

АНРИ
БОСКО

Малыш

и РЕКА

ПЕРЕВОД,
Аллы Полосиной

КЛАССИКА
САМОКАТА

Классика Самоката

Анри Боско

Малыш и река

«Самокат»

1953

Боско А.

Малыш и река / А. Боско — «Самокат», 1953 — (Классика Самоката)

ISBN 978-5-00167-577-8

Творчество французского прозаика и поэта Анри Боско (1888–1975), лауреата многих литературных премий, соткано из тайн и реальностей повседневной жизни, знания крестьянского мира и древних верований, магии Прованса, очарования природы и животного мира. Автор около тридцати романов, книг для детей и стихотворений, Боско до сих пор остается одним из самых издаваемых писателей Франции. Роман «Малыш и река», ставший классикой французской литературы для детей, был переведен на сорок языков и по праву считается одним из лучших произведений о том, какую неизмеримую роль играет природа в жизни каждого из нас. Река свободна и сильна, течет, куда ей надо и никого не слушается. А малыш Паскале сидит дома и томится от духоты и запретов. Вот бы хоть ненадолго, хоть краем глаза повидать эту реку? Но река – это всегда путешествие, и из нее нельзя выйти прежним.

ISBN 978-5-00167-577-8

© Боско А., 1953

© Самокат, 1953

Содержание

Искушение	6
Остров	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анри Боско

Мальш и река

Henri Bosco
L'enfant et la rivière

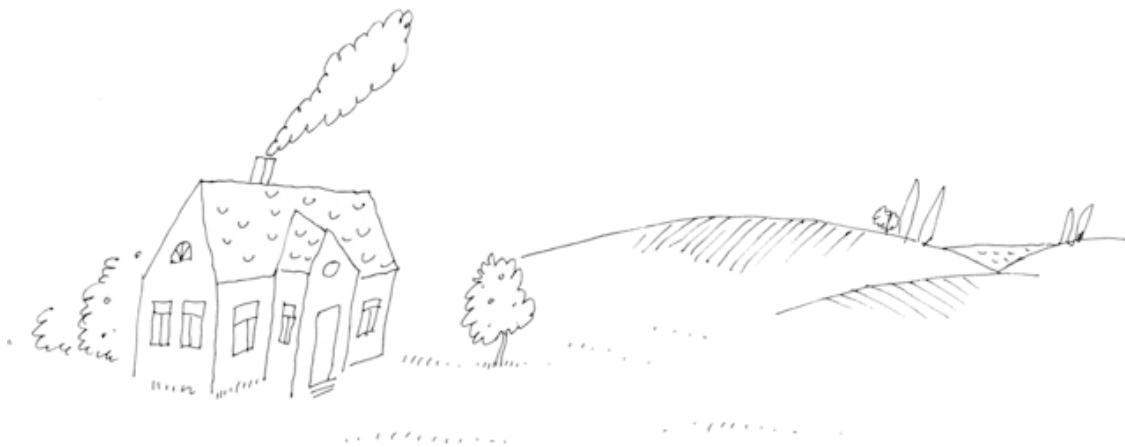
Перевод с французского *Аллы Полосиной*
Иллюстрации *Дениса Шибанова*

© Éditions Gallimard, 1953. All rights reserved.

© А. Полосина, перевод на русский язык, 2007

© ООО «Издательский дом «Самокат», издание на русском языке, 2024

Искушение

Герма.

носилаь ночью

Тетя Мартина

носилаь в сумерках

носилаь на заре

Когда я был маленьким, мы вместе с сестрой деда по отцовской линии, тетей Мартиной, мирно жили на краю деревни в маленьком доме, бывшей ферме, одиноко стоявшей среди полей.

Тетя Мартина одевалась старомодно, носила набивные чепцы, платья в складку, на поясе у нее всегда висели серебряные ножницы. Она командовала всеми на свете: людьми, собакой, утками и курами. Меня же она распекала с утра до вечера. Между тем я был тихий, и, наверно, воспитывать меня было легко. Но это ничего не значило. Она все равно ворчала. Тайно она меня обожала, но считала, что надо скрывать свои чувства, которые все же бурно проявлялись по малейшему поводу.

Вокруг, за полями, разделенными вереницами кипарисов, за огородами и двумя-тремя одинокими фермами, было пустынно.

Однообразие этого пейзажа меня удручало.

Но за полями текла река...

Мы часто говорили о ней, особенно зимними вечерами, но я никогда ее не видел. Река играла важную роль в нашей жизни, принося то благо, то убыток хозяйству. Она то удобряла, то опустошала наши угодья. Большая и стремительная, осенью, во время дождей, река выходила из берегов. Было слышно за версту, как она шумит. Временами вода переливалась через дамбу и заливала поля. Потом она отступала, оставляя после себя плодородный ил.

Каждый год, весной, когда в Альпах таяли снега, прозрачное течение реки разливалось мутным половодьем. Вешние воды размывали дамбу, и поля превращались в озеро. Летом, во время палящего зноя, река мелела. Островки, намытые из песка и гальки, задерживали течение и, высыхая, дымились на солнце.

Конечно, мне все это было известно лишь понаслышке.

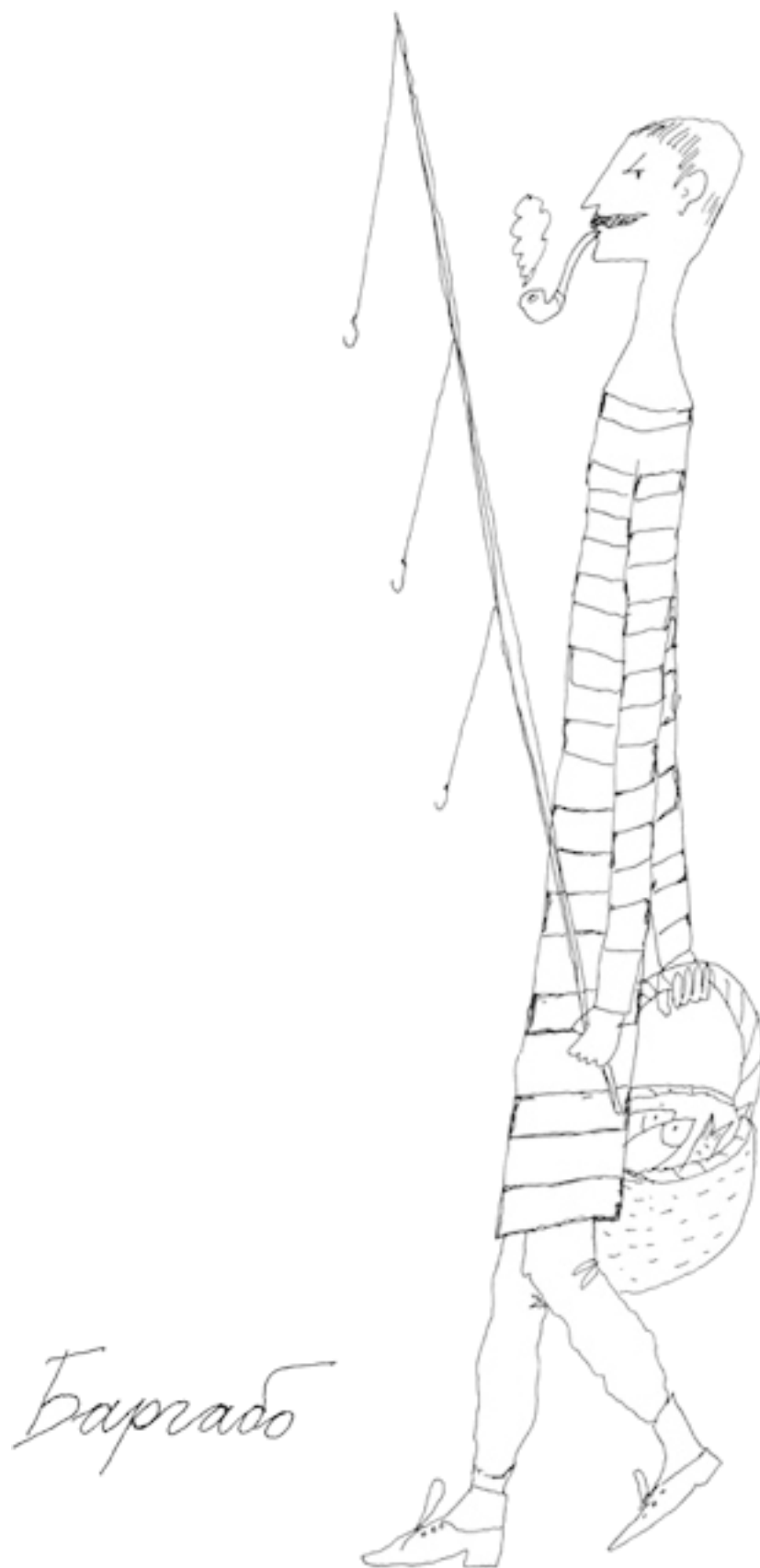
– Играй, где хочешь, – предупреждал меня отец, – места предостаточно. Но к реке я тебе ходить запрещаю.

А мать добавляла:

– Малыш, знай, в реке много бездонных омутов, ты там сразу утонешь, в камышах водятся змеи, а по берегам бродят цыгане.

Разумеется, эти предостережения еще больше заставляли меня мечтать о реке день и ночь. И как ни холодело сердце от страха, мне страстно хотелось ее увидеть.

Время от времени к нам заходил высокий сухощавый охотник-браконьер, худой и узкий, словно лезвие ножа, с живыми хитрыми глазами. Все в нем говорило о ловкости и силе: узловатые руки, ороговелые ноги, ловкие пальцы. Он появлялся неслышно, точно тень.

– А вот и Баргабо, – говорил отец. – Он принес нам рыбу.
И в самом деле.

Баргабо ставил на кухонный стол корзину со сверкающей рыбой. Она приводила меня в восхищение. В корзине среди водорослей блестели серебристые брюшки, голубоватые спинки и колючие плавники.

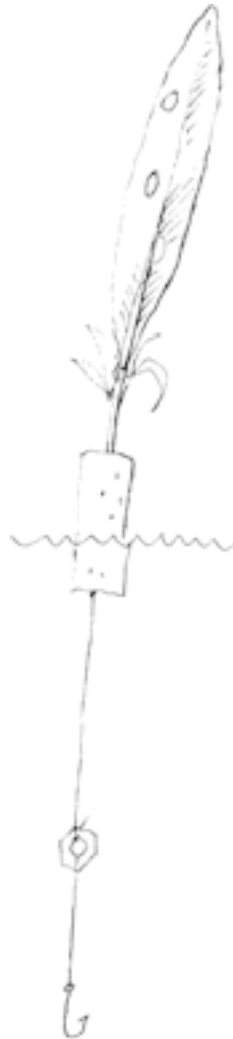
Это была свежая, только что пойманная в реке рыба.

– Баргабо, как вам удастся ловить такую хорошую рыбу?

Баргабо уклончиво отвечал:

– Господь помогает бедным, господин Букарю, и потом, у меня легкая рука.

И больше вытянуть из него ни одного слова было невозможно.

Как-то раз Баргабо застал меня дома одного. У него на крючке красовалась огромная сельдь.

Он сказал:

– Вот, это тебе, держи.

И положил рыбину на край стола. Потом странно взглянул на меня и спросил:

– Слушай, малыш, у тебя симпатичная рожица настоящего рыбака. Ты когда-нибудь ходил на рыбалку?

– Нет, господин Баргабо, мне запрещено ходить к реке.

Он пожал плечами.

– Что поделаешь! Если когда-нибудь пойдешь со мной, я покажу тебе самые лучшие места, о которых никто не знает, особенно на островах...

С этого дня я совсем потерял покой.

Даже по ночам иногда думал о заветных местах, затерянных в лесу на островах, где никто, кроме Баргабо, никогда не бывал.

В другой раз Баргабо показал мне чудесные рыболовные крючки из голубой стали и симпатичные поплавки, вырезанные из пробкового дерева.

Баргабо был моим идеалом: я им восхищался. Но его серые хитрющие глаза внушали мне страх, который сдерживал мои к нему чувства.

Когда он приходил, мне становилось страшно. Когда его долго не было, я скучал. Если во дворе раздавался шорох его парусиновых туфель, у меня начинало биться сердце. Он очень скоро заметил интерес, который вызывала во мне его особа, но из лукавства напускал на себя безразличный вид, который меня страшно мучил. Иногда он пропадал недели на две, и тогда я не находил себе места. Мне ужасно хотелось убежать к реке. Но я боялся отца: с ним шутки плохи.

Зимой еще куда ни шло. Погода холодная, снег, на ветру студено, выходить на улицу – безумие. Лучше посидеть дома у огня. Весной солнышко и теплый ветер гонят всех на свежий воздух. Весной меня охватывала жажда приключений. От страстного желания убежать я стал сам себя бояться.

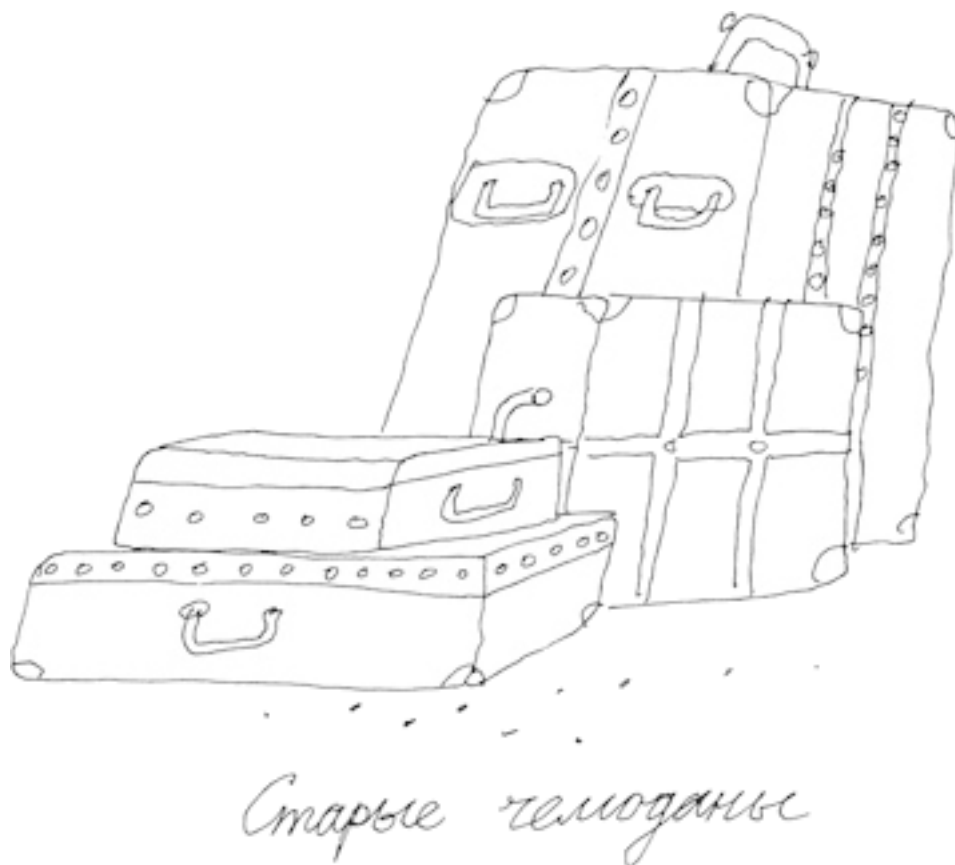

Я всегда знал, что в одно прекрасное утро в начале весны кинусь навстречу приключениям.

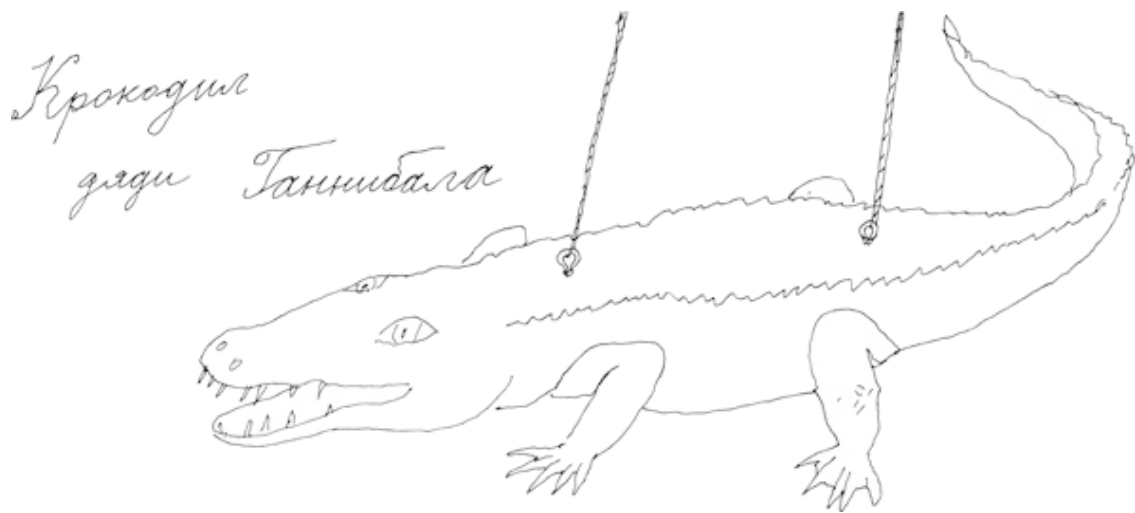
Я ждал подходящего случая, который вскоре представился. И вот как.

Мои родители должны были уехать на несколько дней. Как всегда, на время их отсутствия в доме воцарялась тетя Мартина. Ты помнишь, читатель, тетя была деспотом, но, стоило нам остаться в доме одним, она давала мне понять, что я совершенно свободен. Она сама горела жаждой свободы, которой ей не хватало, пока с утра до вечера она заботилась обо мне. Наверное, она понимала, что тот, кто тиранит ближнего, тиранит сам себя. И поэтому отпускала меня на волю, чтобы носиться в свое удовольствие.

Да, она носилась. Носилась по всему дому, сверху донизу. Она носилась днем; носилась ночью, на заре и в сумерках. И всегда семенящей походкой, едва различимым мышинным шагом. Когда родители были дома, тетя вела себя более-менее спокойно, но стоило им выйти за порог, как она принималась носиться. Она исчезала из вида, но было слышно, как она шарилась то в одной, то другой комнате, то погружалась в темноту погреба, то исчезала в кладовой.

Что она там делала? Одному Богу известно! Только отовсюду раздавались таинственные звуки: то дрова шевелились, то сваливался с грохотом ящик... Потом наступала тишина... Из всех уголков, которые предлагал ей наш старый дом, она больше всего любила чердак. И пропадала там каждый божий день после обеда до темноты. Это было ее излюбленное прибежище, ее рай. Там стояли в ряд старые, обитые медными гвоздиками и обшитые материей из козьей шерсти чемоданы. Эти столетние чемоданы были набиты всевозможной ветошью: жакеты в цветочек, атласные жилеты, пожелтевшие кружева, вышивки, туфли-лодочки с серебрёными пряжками, лакированные сапожки. А какие платья! Из розового шелка или из парчи с серебряной и золотой нитками, с пюсовыми оборками, блестками и пурпуром! Цвета, конечно, выцвели и пахло старьем, но какая все же прелесть! Ибо все это еще хранило ароматы лаванды и яблок. Я был от этого без ума. И это были не единственные сокровища! На гвоздях висели тронутые временем фамильные портреты. В углу стояла горка керамической посуды. Два серебрёных подсвечника смиренно покоились на сундуке черного дерева. Книги в кожаных переплетах лежали на полу среди груды пожелтевшей бумаги, в которой крысы наделали себе нор. Наконец, под потолком висело старое чучело крокодила, подарок дяди Ганнибала, мореплавателя.

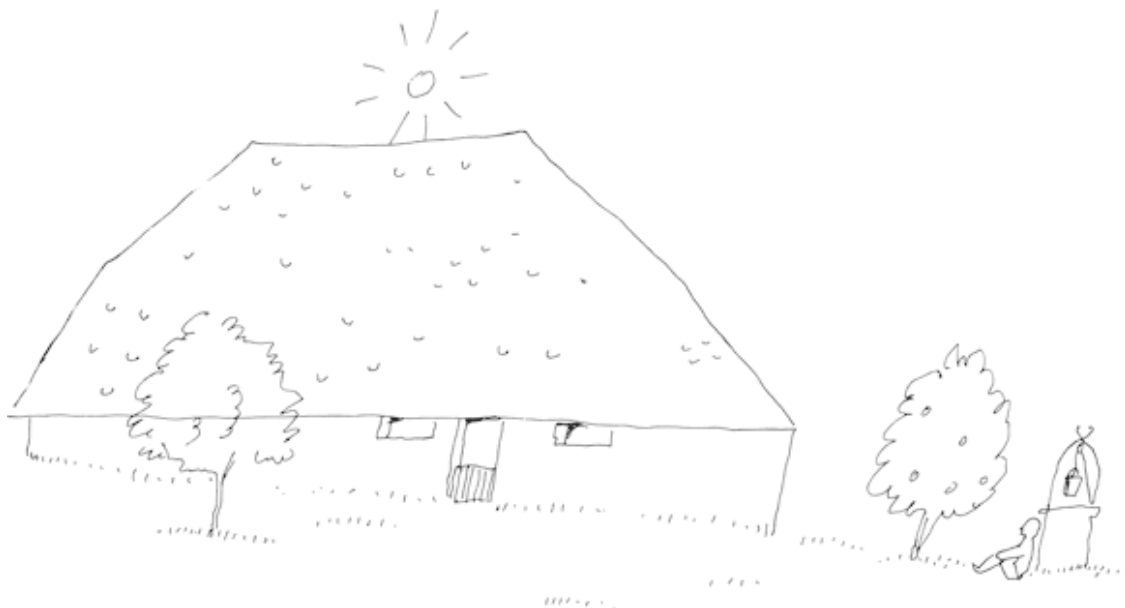
Когда тетя Мартина поднималась на чердак, ничто в мире не могло ее оттуда выманить. Она закрывалась изнутри на два оборота ключа. И следовать за ней я не имел права.

– Иди играть в сад, – говорила она. – Мне надо перебрать ветошь.

Я все понимал с полуслова. Предоставленный сам себе, я бродил без дела по дому или сидел под смоковницей у колодца.

Именно под смоковницей вешним апрельским утром мною неожиданно овладело искушение. Оно сумело меня уговорить. Это было весеннее искушение, самое безобидное на свете. Оно искушает всех, кто чувствителен к чистому небу, нежным листьям и распутившимся цветам.

Поэтому я не устоял.

Я ушел в поля. Ах! Как билось мое сердце! Весна сияла во всей своей красе. Когда я открыл ворота, за которыми начинался луг, тысячей запахов травы, деревьев, молодых побегов повеяло мне в лицо. Я добежал, не оглядываясь, до небольшой рощицы.

Она гудела от пчел. Насыщенный пылью воздух вибрировал от трепета их крыльев. Недалеко, в белоснежной купе цветущего миндаля, ворковали молодые голуби. Я был опьянен.

Узкие луговые тропинки как бы исподволь манили меня. «Пойдем! Что тебе стоит сделать еще несколько шагов? До первого поворота недалеко. Ты остановишься у куста боярышника». От этого зова у меня кружилась голова. Ступив однажды на извилистые тропинки между изгородями с сидящими на них птицами и кустами можжевельника с голубыми ягодами, разве можно было остановиться?

Чем дальше я шел, тем больше меня влекла дорога. Между тем с каждым шагом она становилась все более дикой.

Обработанные поля исчезли, земля стала жирной, всюду росла высокая серая трава или молодые ивы. Порывы ветра приносили запах влажного ила.

Вдруг передо мной словно выросла дамба. Это была высокая земляная насыпь, увенчанная тополями. Я взобрался наверх и увидел давно желанную реку.

Это была широкая река. Она текла на запад. Мощное течение реки, напоенное растаявшим снегом, несло вырванные с корнем деревья. Вода была тяжелая и мутная. Иногда необъяснимо образовывались огромные водовороты, в которые затягивались обломки, вырванные в верховьях. Встречая на своем пути преграду, река грозно рокотала. Огромная толща воды шириной пятьсот метров монолитным валом двигалась к берегу. В середине отчетливо различалось бурное течение, темный гребень которого пенился в илистой воде. Он казался таким жутким, что у меня по спине побежали мурашки.

В низовье, разделяя поток реки, возвышался остров. Крутые берега, заросшие густыми ивами, делали его неприступным. Это был большой остров, густо заросший березами и тополями. Только что рухнувшие на мысе острова деревья быстро уносило течение реки.

Когда я перевел взгляд на берег, то заметил у своих ног скрытую под дамбой небольшую бухту с песчаным пляжем. Тут течение реки было спокойным, место тихим, и я пошел туда. Бирючины, гигантские ивы и зеленовато-голубые стволы ольхи образовали укромную нишу.

Внутри в полумраке жужжали тысячи насекомых.

На песке были видны следы босых ног. Они вели от воды к дамбе. Отпечатки были широкие и глубокие. Они напоминали поступь животного. Мне стало страшно. Место было пустынным и диким. Где-то поблизости рокотала вода. Кто посещает эту таинственную бухту, этот укромный пляж?

Впереди меня на острове было тихо. И все же он казался мне опасным. Было тревожно, я чувствовал себя незащищенным, слабым и брошенным. Но уйти не мог. Какая-то загадочная сила держала меня в прибрежном одиночестве. Я искал глазами кусты, куда бы спрятаться. А что, если кто-то следит за мной? Я бросился в колючую чашу, в укрытие. Мягкая земля была покрыта нежным пушистым мхом. Там, невидимый, притаившись, я наблюдал за островом.

Сначала ничего не было видно. Надо мной раскинулся тенистый свод листвы. Насекомые неустанно роились в воздухе. Иногда взлетала птица. Замедляясь на излучине пляжа, текла вода. Монотонно шло время, воздух становился теплее. Я задремал.

Должно быть, спал я долго.

Отчего проснулся, не знаю. Открыв глаза, я с удивлением обнаружил себя под кустом, когда солнце шло на убыль и приближался вечер. Казалось, вокруг ничего не изменилось. И все-таки, даже в глубине укрытия, я замер в ожидании чего-то необычного.

Вдруг на середине острова, сквозь крону деревьев, в небо потянулась струйка чистого голубого дыма. Остров обитаем. У меня забилось сердце. Я внимательно наблюдал за противоположным берегом, но напрасно. Никто не появился. Вскоре дым исчез, незаметно рассеялся в купах деревьев, будто его поглотила невидимая земля. От дыма не осталось и следа.

Наступил вечер. Я вышел из укрытия и вернулся на пляж.

То, что я обнаружил, ужаснуло меня. Рядом со старыми следами на песке появились новые, совсем еще свежие отпечатки ног. Итак, покуда я спал, кто-то прошел мимо моего укрытия. А вдруг меня заметили?

Наступила ночь. В зарослях камыша стало темно. Внезапно из камышей выпорхнула птица. Она громко закричала, и остров ответил ей жалобным стоном.

Я бросился бежать.

Домой я вернулся в кромешной темноте.

Как меня встретила тетя Мартина, можно себе представить.

– Бродяжка! Чумазый! Перекати-поле!

Она меня обнюхала:

– От тебя пахнет илом. Боже! А прическа-то хороша!

У меня в волосах застряли листья и колючки.

– Иди причешись!

Пристыженный, я молча пошел причесываться. Я знал тетю Мартину. Покричит, поругается, но и только.

– Тебе не стыдно?

Да, мне было стыдно. Кому стыдно, тот молчит, и я молчал.

– А если я все расскажу отцу, а? Паскале, – (Паскалэ, дорогой читатель, – это мое имя), – ты не представляешь, что он с тобой сделает!..

Я все прекрасно представлял, но я знал также и тетю Мартину, и все в ней говорило: «Озорник! Тебе повезло, что тетя Мартина питает слабость к скверному мальчишке Паскале! Ладно уж, в свое время твой отец и не такое проделывал!..»

Несмотря на сердитый вид, тетя Мартина сочувственно спросила:

– Ты, конечно, голоден?

Я признался, что голоден.

– Ну да! – ворчала она, беря в руки сковородку... – С семи утра ни крошки во рту!.. Бедолага! Держу пари, что у тебя кружится голова...

– Да, тетя Мартина, у меня голова немного кружится, – приврал я.

– У меня остался только суп... два помидора... и сосиски...

Послышались чьи-то шаги. В кухню вошел Баргабо.

Никогда еще он не казался мне таким большим. Как всегда, его лицо было суровым. Тетя Мартина чуть не выронила от изумления сковородку. Он этого даже не заметил.

– Я принес плотву, – сказал Баргабо. – Пожарьте ее. А меня, пожалуйста, угостите стаканчиком вина.

И уселся за стол.

Тетя Мартина унесла на кухню корзину с рыбой. Было слышно, как она ее чистит. Вскоре в сковороде задымилось масло. Мы пригласили Баргабо за стол. Тетя Мартина принесла кувшин с вином, ржаной хлеб и бутылку с уксусом.

Вытащив из кармана длинный нож, Баргабо отрезал большущий ломоть хлеба, положил на него две рыбешки и провел крестообразно по еде ножом. Затем он принялся за бутерброд.

Мы смотрели на него. Он помалкивал. От него пахло рекой.

Мы забыли о еде. Он заметил это, и наши глаза встретились.

– Надо поесть, сынок, – пробормотал он. – Эту рыбу я наловил для вас. Рыба – речная... Ты ведь знаешь реку?.. Остров, заросли кустарника, в которых можно спрятаться?..

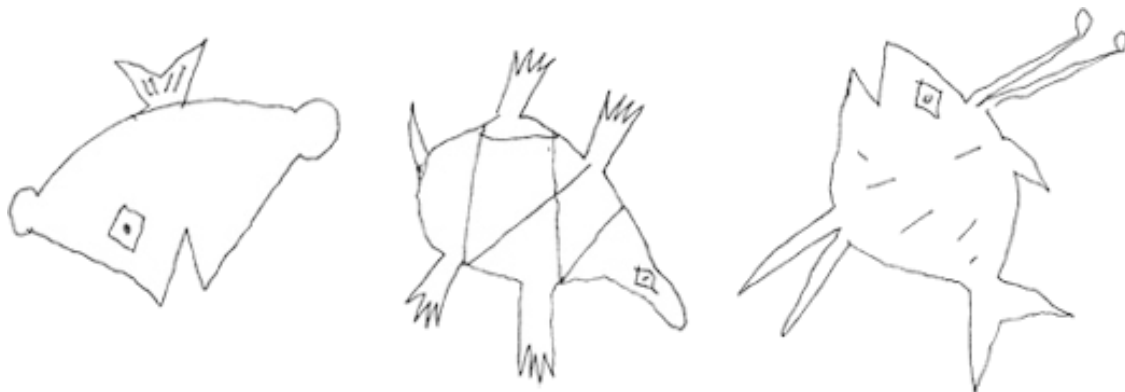

Я побледнел. Тетя Мартина наблюдала за мной. Но Баргабо взял с блюда самую лучшую рыбину и положил мне в тарелку. Неожиданно ловко он вытащил из нее все кости, капнул две капли масла и полил уксусом.

– Теперь блюдо готово, – сказал он. – Можешь попробовать.

Тетя Мартина слегка надулась. Ужин закончился в тишине.

Когда убрали последнюю тарелку, по-прежнему молчаливый Баргабо принялся кончиком длинного ножа чертить на столе странные фигуры. Это были змеи, речные черепахи и неизвестные фантастические рыбы; у одних топорщились колючки, у других, с огромной головой, были разинуты устремленные в пустоту прожорливые рты.

Мы с тетей Мартиной молча, зачарованно смотрели на эти необычные изображения. Вдруг Баргабо пробормотал:

– Гроза собирается.

Вскоре вдалеке загремел гром.

Баргабо поднялся и сказал:

– Всего вам доброго! Мне нельзя терять время.

И исчез.

Раскаты грома раздавались всю ночь. Поистине, он гремел не щадя своих сил, оглушая деревню мрачными раскатами. Летучие молнии полыхали, словно огненные ножницы. Одна молния попала в сосну, которая с треском рухнула на землю. Дом сотрясался. Недра подвала вторили эхом. Спрятавшись под одеяло, я думал о реке. Наверное, голубой блеск молний холодно и ярко отсвечивался в ночной воде.

Косой проливной дождь хлестал по стенам дома, скрипевшим под его струями сверху донизу. К утру гроза устала и, отдаленно погромыхая, утихла. Солнце выглянуло из облаков и затопило поля светом.

Прошло три жарких дня, прежде чем земля просохла после дождя.

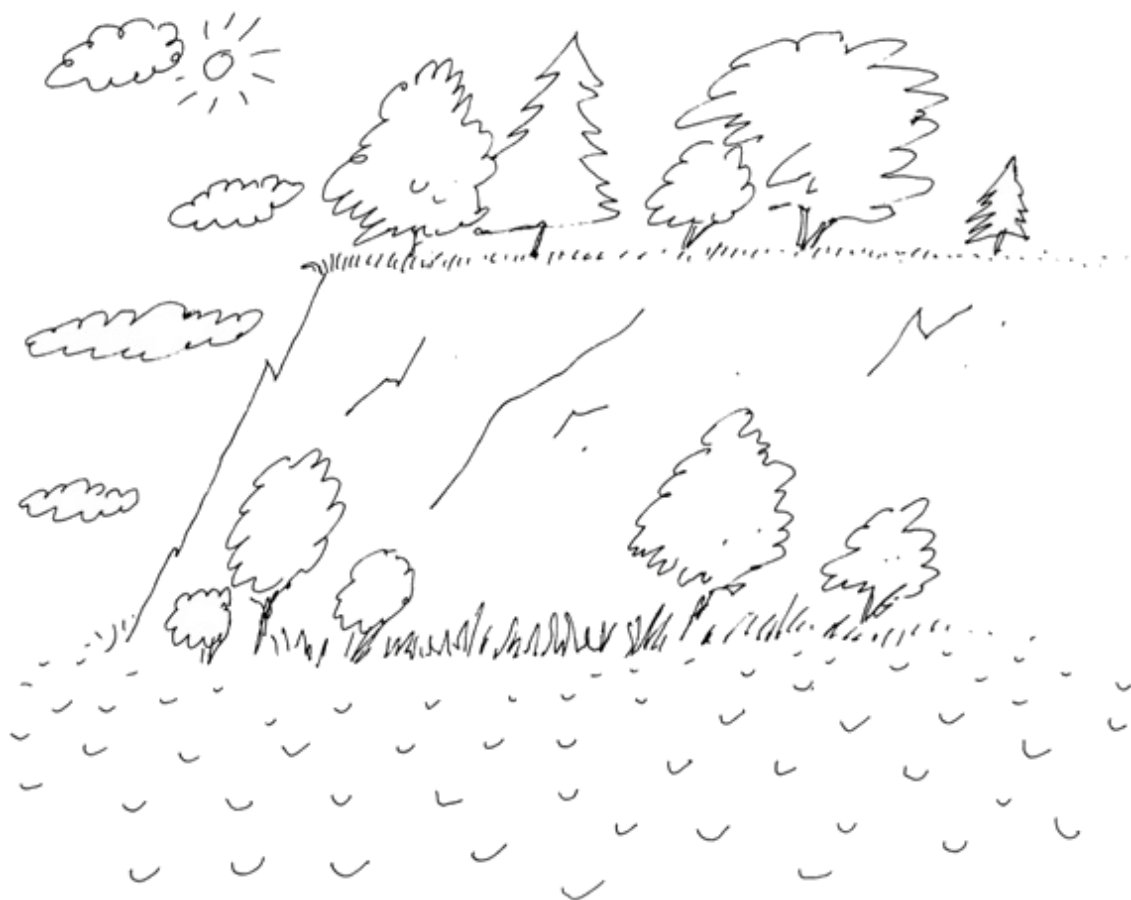
За эти три жарких дня я не двинулся с места.

Тетя Мартина вновь принялась носиться. Одержимая своей страстью, она позабыла о моей проказе.

Остров

Остров

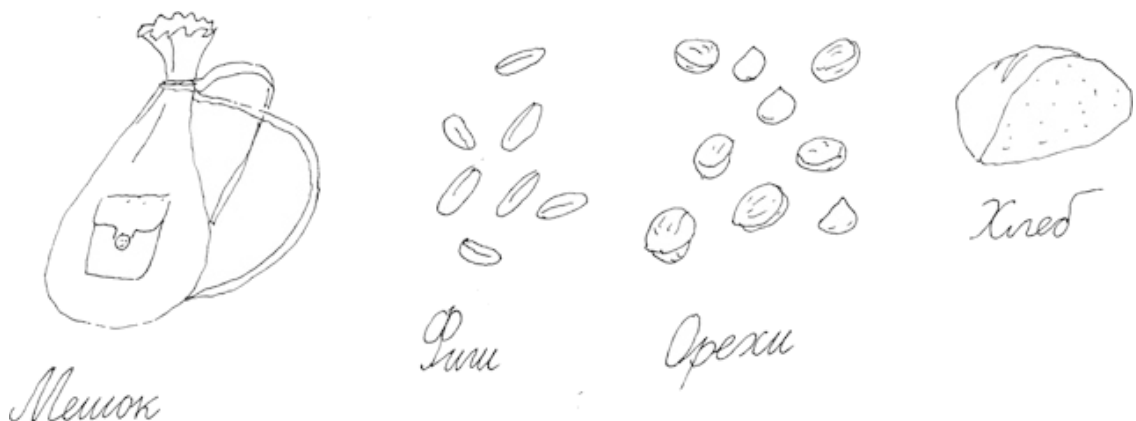

Ветерок гонял два облачка.

Во вторник чуть свет я собрался пойти к реке. Светало. Тетя Мартина еще спала в своей комнате. Вчера она рыскала по дому до полуночи. Пока она не проснулась, я набил небольшой мешок припасами: фидами, орехами и хлебом. Спустя час я был на берегу реки.

Какое великолепие! Волны стали прозрачными. В омытой дождем, ярко-голубой глубине неба ветерок весело гонял два облачка, которые отражались в светлых водах реки, стремительно несущейся к холмистым горизонтам. Страшное в середине реки течение, увенчанное темным пенистым гребнем, больше не нарушало гладкого зеркала вод. Река весело текла меж берегов, густо окрашенных розовым светом зари. Вдоль берега порхал зимородок, утренний ветерок шуршал в камышах.

Вдоль по берегу я направился к хижине на четырех сваях. К ней вел мостик.

Внутри в гамке лежал тюфяк из сухих водорослей. Под потолком висела старая сеть. В углу была сложена кухонная утварь.

«Баргабо приходит сюда ночевать, когда браконьерствует», – подумал я.

Под мостками была видна светло-песчаная полоска небольшого пляжа. Пустая, старая и слегка тронутая червоточиной лодка, привязанная к свае, покачивалась у берега. Сквозь плохо пригнанные доски днища незаметно просачивалась вода. Уже давно от солнца и дождя на корпусе лодки облупилась краска. Весел не было. Лодка была привязана старой пеньковой веревкой, которая провисла и мокла в воде. Течение было спокойное.

Тишина и покой снова ввели меня в искушение. Я подошел к лодке и не очень уверенно поставил ногу на борт. Она зашаталась под моим весом. Это покачивание страшно меня напугало. Но лодка выровнялась, я осторожно сел на лавку в середине и больше не шевелился.

Лодка, вода и берег казались неподвижными, и, несмотря на подспудное волнение, от которого замирало сердце, я был счастлив.

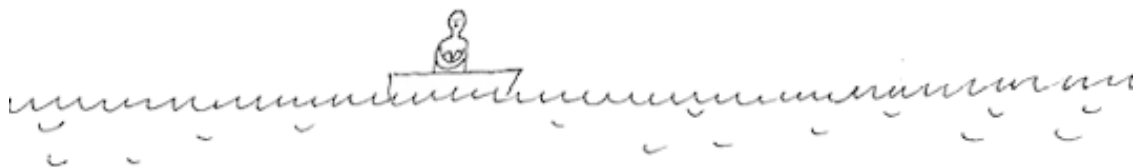

Она зашаталась под моим весом.

Ибо, повернувшись спиной к берегу, я ничего, кроме реки, перед собой не видел. Она незримо несла свои стремительные воды. Ниже по течению из утреннего тумана постепенно появились очертания острова, освещенного первыми лучами солнца. Тополя, вязы и березы были скрыты легкой дымкой тумана, но некоторые деревья уже золотились от солнца. На мысе острова голубая скала, выступавшая из воды, мощно рассекала поток, и грозная вода закипала от ярости. Но берег острова был таким густо-розовым, а легкий ветерок приносил оттуда такие нежные запахи цветущих деревьев, растений и лесных цветов, что я пришел в восхищение. И снова, как в прошлый раз, я увидел дымок от костра.

«Это Баргабо разводит костер, – подумал я, – ночью он должен был пойти на рыбалку...»
Ах, почему я не на острове? Я только об этом и мечтал.

Лодка оставалась неподвижной. Ни одно видимое течение, казалось, не достигало этой тихой гавани, где я чувствовал себя в безопасности. Я не мог оторваться от созерцания тихо текущей воды, ее движение меня завораживало.

Я забыл о времени, о себе, о том, где я, и больше не сознавал, что движется – лодка или река. Течет ли река или это я чудесным образом, без весел, плыву в лодке по течению? Одному Богу известно, как лодка оторвалась от берега, но вдруг я заметил, что сваи хижин удаляются... удаляются... удаляются ли?..

Внезапно я пришел в себя. Где я? Веревка, которой была привязана лодка, оборвалась. Подхваченная невидимым течением, лодка плыла сама по себе. Я попытался схватить плыву-

щю мимо ветку, но она ускользнула. Незаметно и неощутимо я удалялся от берега. У меня внутри все похолодело от страха. Почти незаметное течение стало сильным, лодку понесло, и по мере движения я видел, как на меня стремительно наплывает гигантская скатерть реки.

Она вся целиком была в движении и всей своей глубоководной массой гнала меня на риф, о который шумно разбивались пенные волны.

Волны становились все выше. Течение все быстрее увлекало старую лодку. Она скрипела. Сквозь трещины в нее набиралась вода. Попадая в бездонные водовороты, она разворачивалась и крутилась на месте. Когда сердитые волны били ей в борт, она опасно кренилась набок. Лодку несло прямо на грозно надвигающийся риф. Я закрыл глаза. Вода бурлила. Подхваченная прибрежным течением, лодка медленно развернулась. Заскрипев всем корпусом, она остановилась на ложе из гравия. Открыв глаза, я понял, что спасен. Лодку выбросило на песчаный берег пологого склона острова. Риф, которого я избежал, по-прежнему пенился, но уже далеко.

Одним махом я спрыгнул на землю.

И тут у меня из глаз полились слезы.

Наплакавшись, я понял, что произошло. Двести метров глубокой воды отделяли меня от обжитой земли. Там, вдалеке, из труб шел дымок. Двумя километрами дальше, среди сосен и платанов, в это голубое утро из трубы моего родного дома тоже наверняка вился в небо дымок. Сейчас девять утра. Тетя Мартина разжигает в печке огонь. Она уже ищет меня. Я схватился за голову. Как выбраться с острова? Кого позвать на помощь?

Усевшись на корни дерева, я призадумался. Увы! Мои мысли не шли далеко. Все мне говорило: «Паскале, ты пропал». Но это было для меня не важно. Больше меня мучил вопрос: «Что подумает тетя Мартина? Еще только девять часов, а она уже волнуется. Что же с ней будет в полночь? Ибо в полночь, дружок Паскале, ты будешь еще тут. И вода в реке ночью будет зловеще черного цвета».

Грустные, грустные мои мысли...

В эту минуту теплый ветер принес горьковатый запах костра. Воспоминание о том, что уже дважды я видел дым среди деревьев, вновь ожило во мне. «Надо посмотреть, что там», – подумал я. Пробравшись сквозь кустарники, я попал на лесную опушку.

Посреди поляны стояла хижина. Крыша ее напоминала головку сахара. Перед дверью висел мешок.

На утоптанной земле лежали три камня. Между ними тлел огонек. Дым, поднимавшийся от костра, лизал дно большого, черного от сажи котелка какой-то странной формы, с маленькими ушками и круглым пузом.

Перед очагом сидела на корточках девочка и подкладывала в огонь хворост. Черная кошка дремала у хижины. Несколько куриц что-то клевали.

Кто эти люди, такие бедные, что живут в хижине?

Девочка была одета в лохмотья. Черные глаза, смуглая кожа... Какое странное создание!

В ушах у нее висели большие медные кольца. Порой она что-то тихо напевала. По полянке расхаживал осел. За хижинкой под деревом смутно вырисовывалось что-то огромное и коричневое. Мне стало страшновато. Догадаться, что это такое, я не мог – оно было далеко от меня и неподвижно. Какое-то животное?

У нее в ушах висали большие кольца.

Над котелком клубился пар. Пахло вкусно. С дерева слетела ворона и уселась на голое плечо девочки. Та что-то ей прошептала. От удивления я привстал, чтобы лучше ее рассмотреть. Девочка повернула голову и посмотрела в мою сторону. Но осталась безучастной. Заметила ли она меня?

Из хижины вышла худая, злобного вида старуха. Она схватила за горло петуха и, свирепо вскрикнув, свернула ему шею.

Большое и коричневое поднялось, заворчал, встало на четвереньки, и медведь – а это был медведь – вперевалку направился к очагу. Подойдя к котелку, он принялся и повернул голову в мою сторону. Я задал стрекача.

Я бежал без остановки на другой конец острова в надежде найти хорошее укрытие. Едва я устроился, как раздался плеск воды. Я испуганно осмотрелся. От берега к острову плыла лодка. В ней было четверо мужчин, огромных, сухих и смуглых, еще смуглее и суше, чем Баргабо. Цыгане – вот это кто! На этот раз я пропал, пропал по-настоящему!..

Причалив к берегу, они подтянули лодку и спрятали ее в кустах. Затем вытащили из лодки ребенка. Это был мальчишка моего возраста, связанный по рукам и ногам. Один из мужчин поднял его и взвалил себе на плечи. Лицо мальчишки я разглядел хорошо. Он был такой же смуглый и такого же дикого вида, как его похитители. Закрыв глаза и сжав губы, мальчик словно окаменел. Все четверо со своей ношей исчезли среди деревьев.

Я остался один.

Был полдень. Я проголодался, но к своим припасам так и не решился притронуться. Малейшее движение казалось мне опасным. Неловкое движение, треск сломанной ветки – все могло меня выдать. Меня обнаружат, схватят и свяжут.

До сумерек я так и не осмелился выйти из своего укрытия – маленькой пещеры в скале, скрытой за двумя кустами ежевики. Я ждал чуда: вдруг на берегу появится рыбак...

Но никто не появился. И наступил вечер.

Меня это поразило, ведь раньше я никогда не видел, как наступает вечер. По крайней мере так, как здесь: на темно-синем востоке в небе разрасталось огромное звездное дерево. Грандиозность панорамы вечернего небосвода повергла меня в изумление.

День убывал, и в ночной бесконечности неба таинственно появлялись небесные созвездия. Это были неизвестные мне звезды. Позже я узнал их названия: Большая Медведица, Бетельгейзе, Орион, Альдебаран. Тогда я просто восхищался их ночным сиянием. Они мерцали и переливались далеко-далеко в тиши. Свет их отражался, качаясь в реке, блестящей и черной. Наступила ночь. Темная вода неслась к острову с такой силой, что мне стало страшно. Напрасно, забившись в укрытие, я пытался зажмуриться и забыть обо всем. Доносившийся смутный шум глубокой воды тревожил меня. Я ощущал себя маленьким жалким комочком, дрожащим в звериной норе.

Ногой я мог коснуться холодной воды, которая стремительно текла во весь размах реки рядом с моим укрытием. Коварное соседство реки пугало меня. Это было невыносимо. Покинув укрытие, я вскарабкался на склон берега. Чего бы я ни дал, чтобы услышать человеческий голос, увидеть человека!.. Но каких людей звать на помощь? Тех, что на острове? Но они наверняка крадут детей. Ах, какая жестокость!.. И все-таки это были люди... У них была хижина, жалкая, конечно, но в ней можно спать. Они могли развести костер и приготовить еду. Багровые отблески костра, выхваченные из сумерек, кое-где играли на стволах, на ветвях и листьях деревьев, растущих недалеко от моего укрытия. Там был очаг, настоящий очаг с горячими углями, теплой золой, котелком с едой и успокаивающим светом огня.

Чем больше я думал об очаге, тем больше меня охватывало искушение пробраться к хижине, и увидеть ночью, когда особенно одиноко, хотя бы человеческий очаг. Потихоньку забирался я все дальше в лесную чащу, и мне удалось бесшумно, не хрустнув ни одной веточкой, добраться до той самой поляны. Я притаился за дубом и стал смотреть.

Перед очагом, скрючившись, сидела старая ведьма. Девочка ворочала кочергой горящие угли.

Старуха медленно мешала поварешкой в котелке какое-то варево. Собака, сидя на задних лапах, не спускала с нее глаз и втягивала носом запахи. Уши у нее были настороже. Медведь вольно расхаживал по поляне. Ветер дул от табора в мою сторону, и животные не могли учуять меня.

Трое мужчин ели, сидя на земле, недалеко от огня. Четвертый держал в руке кнут. К столбу за руки и за ноги был привязан мальчуган.

Его только что высекли ремнем. На голой спине остались следы от ударов. Когда пламя костра поднималось вверх, на его загорелой коже были видны три длинные полоски черной запекшейся крови. Мужчина что-то рывкнул. Я ничего не понял. Он говорил на странном языке.

Мальчик ничуть не боялся, мало того – он с таким гневом что-то сказал своему палачу, что тот снова схватился за кнут. Узкий ремень со свистом опустился на его спину. Но мальчик не вскрикнул.

Это был красивый и крепкий мальчуган, выше меня ростом, гораздо сильнее и, без сомнения, цыганенок.

Под ударами ремня он сжал зубы, глаза закрылись от боли, но ни одного стога не вырвалось из его уст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.